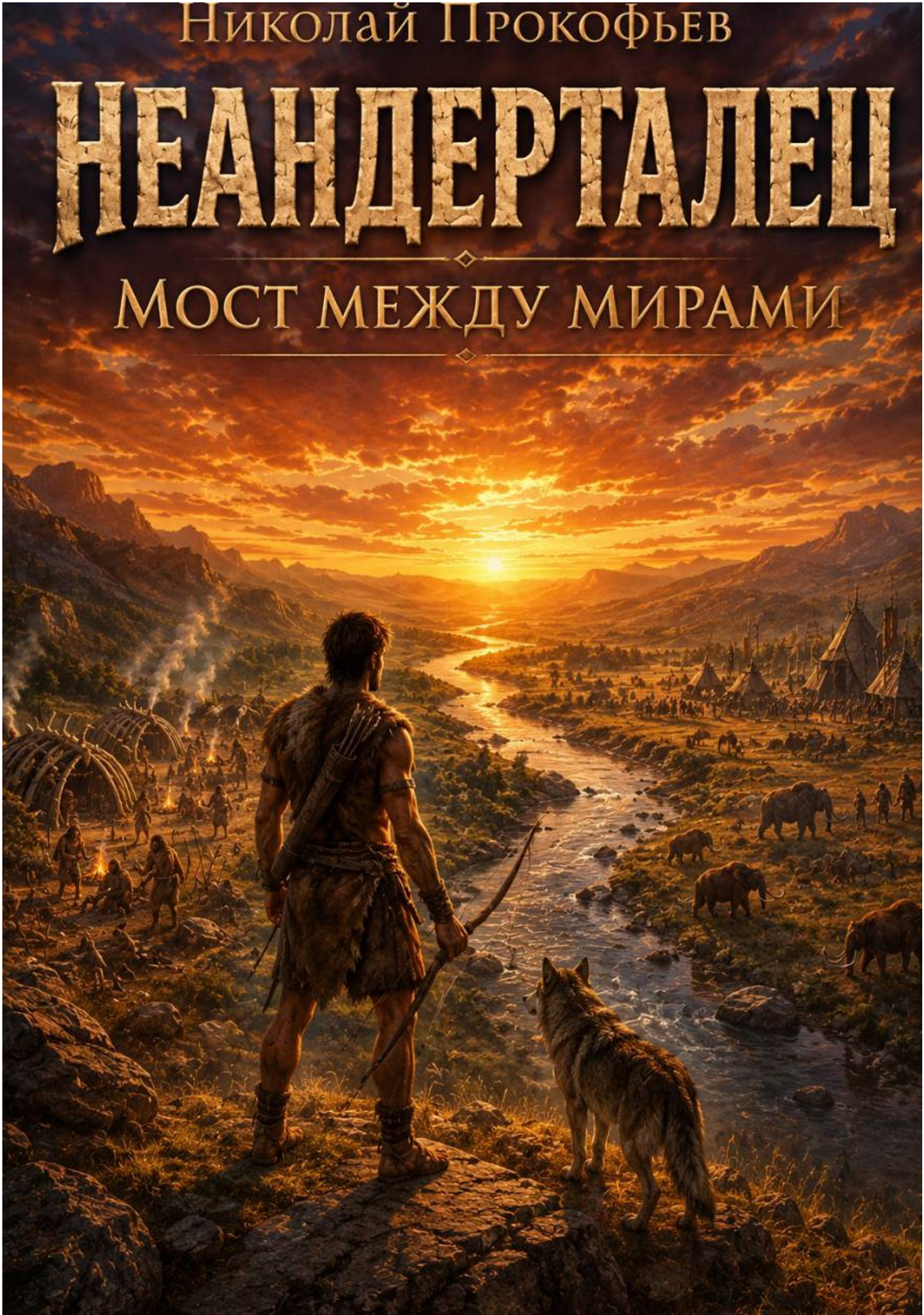
Николай Прокофьев

НЕАНДЕРТАЛЕЦ

Мост между мирами

Неандерталец

Николай Прокофьев

Неандерталец Мост между мирами

«Автор»
2026

Прокофьев Н.

Неандерталец Мост между мирами / Н. Прокофьев — «Автор», 2026 — (Неандерталец)

Продолжение истории начатой в книге: Неандерталец Выжить любой ценой.Я научился выживать в каменном веке.Но теперь мне этого мало.У меня появился дом.Появились "свои", но появились и "чужие".Я больше не хочу бежать от этого мира.Я хочу изменить его.Но чем дальше я захожу,тем сильнее понимаю:я здесь не случайно.

© Прокофьев Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Николай Прокофьев
Неандерталец Мост между мирами

Глава 1

Я сижу у очага и смотрю, как догорают подброшенные мною час назад дрова. Время движется к утру. Сегодня я дежурю «костровым», слежу за огнем, обеспечиваю племя теплом и уютом. Скоро утро, и меня подменит Мата, которая займется приготовлением завтрака, а я пойду спать. Дрова приходится экономить, так как всё, что не спрятано под снегом, мы давно уже выбрали, а до «окончания отопительного сезона» еще месяц, а то и два. Четыре месяца прошло с тех пор, как мы уничтожили разведывательный отряд высоких и, устранив тем самым угрозу, решили остаться на зимовку здесь, в этой пещере. Особого выбора у нас, честно говоря, и не было: идти нам все равно было некуда. Наше мнимое бегство было лишь операцией прикрытия, всё равно пришлось бы вернуться. Но наша уловка удалась, «Высокие» поверили, бросились в погоню и попали в умело расставленную ловушку. Надеюсь, когда-нибудь эта операция войдет в учебники по тактике ведения войны в неравных условиях и выживания племен. Если такой учебник будет когда-то написан.

Позади четыре месяца зимы. Четыре месяца ежедневной борьбы за жизнь с природой. Борьбы за тепло, борьбы за пищу. Сейчас, хоть снег и закрывает землю сплошным покрывалом, световой день уже значительно увеличился, и с некоторой долей оптимизма можно сказать, что мы перезимовали. Не без потерь, но всё же. На охоте погиб Заяц, молодой и не слишком опытный охотник. По иронии судьбы он был разорван диким кабаном. Был бы я чернушником, непременно пошутил бы, что его должны были съесть волки, но нет. И умерла женщина по имени Нута (Куница), я подозреваю, что причиной смерти стал перитонит вследствие воспалившегося аппендикса. Она долгое время молчала и не говорила никому о своем недомогании, а когда рассказала, было уже поздно. Да и скажи она раньше, что изменилось бы? Я не врач, и тем более не хирург, и даже если я угадал и причиной был аппендицит, то что я смог бы сделать? А ни-че-го. Но Грох говорит, что два человека за зиму — это совсем небольшие потери, можно сказать, в рамках статистической погрешности. Зато у нас в племени есть пополнение. Два новорожденных (мальчик и мальчик) и один пришедший охотник из племени Старого Орла. С его слов, племя выследили высокие и напали внезапно. Племени больше нет, он остался один и чудом выжил, потому что задержался в тот раз на охоте, попал в буран и заночевал под какой-то вывороченной корягой, пережидая непогоду. Когда на следующий день пришёл на место стоянки, застал там холодный очаг, уничтоженные хижины и трупы своих соплеменников. Я сейчас не вспомню, как его звали раньше, хотя он и называл свое имя, но в племени его стали звать Ми-ха, что означало «прилетевший Орёл», в память о его погибшей семье. Так что если свести дебет с кредитом, то мы пока даже в плюсе. Четыре месяца. Сто двадцать дней. Я умею считать. Это один из немногих навыков из прошлой жизни, который мне здесь пригодился. Да не просто пригодился, а оказался настоящей «суперспособностью». Взрослые мои соплеменники умеют считать до трех, иногда до пяти. Некоторые — до двух рук по пять, но это если очень нужно. Дети, благодаря мне, уже легко считают до двадцати, а я считаю до скольких нужно. Сто, тысяча, миллион. Не вопрос. Правда, это не все осознают. Но это очень хорошо понимают дети. Они уже поняли, что и двадцать для них не предел, и тоже хотят расширить свой математический потолок, но цифра оказалась психологически тяжелой, потому что ограничена количеством пальцев на ногах и руках. Но мы уже нашли выход из ситуации. Догадались какой? Правильно! Два ребенка могут считать до сорока. Ну, если честно, то пока ещё не могут, но идея им понятна, и я думаю, к окончанию зимы и этот барьер будет взят.

Я пытался использовать в обучении счетные палочки и камешки, но дети мысленно всё равно переходили на пальцы, так что эта затея провалилась. Зрительные ассоциации здесь развиты намного сильнее, чем хотелось бы.

Проснулась Мата. Подошла к очагу, поставила на угли плоский камень, налила в углубление воды. Сейчас вода нагреется, и Мата будет умываться. Это тоже наше нововведение. Правда, используют его пока не все. Мате, еще двум женщинам и детям неожиданно понравилось, а взрослые охотники, и даже Грох, в недоумении пожали плечами. Им привычнее натираться золой. Чего не скажешь о гигиене полости рта. Здесь ситуация обратная. Они приучили меня каждое утро и перед сном жевать ивовую палочку. Учитывая, что стоматологов здесь нет, сопротивляться я не стал. Надо — значит надо. Благо палочка у меня своя, не общая, не подумайте.

— Мясо было, — говорит Мата. Голос ровный, но присутствует какая-то неуловимая интонация, по которой я понимаю: что-то не так. – Дан ест мясо?

— Нет, — отвечаю я и подхожу к Мате, не вполне понимая, что она имеет в виду. Слежу за её взглядом. Мата смотрит на куски замоченного с вечера вяленого мяса. Там два куска. Должно быть три. Мата сама лично замочила их вчера, чтобы сварить сегодня.

— Было три, — говорю я. – Я точно помню, что было три.

Мата кивает. Медленно, тяжело.

— Было три. – подтверждает она. - Теперь две. Одной нет.

Мата умеет считать до пяти. Мы молчим. Пещера постепенно просыпается. Раздаются шорохи и вздохи, глухо кашляет Молот, сильно простывший на рыбалке неделю назад. Пропало мясо. Не просто пропало – исчезло ночью, когда все, кроме меня, спали. Я про себя точно знаю, что я не трогал. Но я должен был видеть, если бы кто-то встал и под покровом ночи втихаря съел целый кусок. Не могу сказать, что я бодрствовал всю ночь, были моменты, когда я ненадолго проваливался в полудрему, но если бы кто-то встал, подошел и взял из воды мясо, я бы точно заметил. Это первый случай пропажи в племени. Раньше такого не было. Мата снова смотрит на меня долгим внимательным взглядом. Я точно знаю, что я не брал. Чувствую себя собакой. Все понимаю, а доказать не могу. Кто такая собака, объяснить им тоже, кстати, не смогу.

Первый месяц зимы был относительно легким. Мы вернулись в зимний дом после мастерски устроенной нами ловушки, когда Молот добил «высокого» вопреки моей просьбе. Тогда казалось, что самое худшее позади, и, возможно, так оно и было, но с каждым днем количество мелкой живности в окрестностях пещеры уменьшалось, и чтобы прокормить племя, охотникам приходилось уходить каждый раз всё дальше. В декабре ожидаемо ухудшилась погода. Лес завалило метровым слоем снега, и все лежащие поломанные сухие дрова оказались скрыты от нас. Приходилось рубить живые деревья, что занимало больше времени, тратило больше наших сил, но приносило в конечном итоге меньше тепла. Но у нас была крыша над головой, и «высокие» на время потеряли наш след. Первые недели ушли на обустройство. Зимний дом оказался очень хорошим местом. Вход в пещеру, узкий и почти незаметный, защищен с трех сторон скалами от ветра, а узкая трещина в потолке свода пещеры создает достаточную тягу, чтобы уходил дым от очага и костров. До нас здесь жило другое племя. А до него, скорее всего, еще одно. Много раз. Может, сотни лет. Может, тысячи. Пещера не может рассказать об этом, хотя пытается. На стенах кое-где есть рисунки, которые я пытаюсь изучать.

В первый месяц зимы, пока еще не всё было завалено снегом, я, как и обещал, сделал Гроху такую же постель из мха, и некоторые другие наши соплеменники последовали моему примеру, но потом весь мох окончательно скрылся под снегом. Гроха беспокоит нога. Прошлогодний перелом не прошел для него даром. Нога Гроха была сломана в схватке с «высокими» еще до нашего с ним знакомства. Точнее, этот день и стал днем нашего знакомства. Я спас его, буквально вытащил на себе и лечил как умел. Перевязывал, накладывал шины, делал

компрессы из полыни, поил Гроха отварами из коры ивы. Эффект от них, кстати, похож на эффект от аспирина – снижается воспаление и боль. Помогало всё это, конечно, слабо, но это было хоть что-то. Потом был полуторамесячный, наверное, переход наш с Грохом в поисках его племени. Сперва Грох шел на костылях, не наступая на больную ногу, но потом упрямо отбросил их. Кость вроде бы срослась, но со временем нога стала хуже. Грох говорит: «Когда холодно – нога кричит, когда тепло – только стонет». В последнее время нога «кричала» все чаще. Грох старается не подавать вида, но я вижу выражение его лица каждый раз, когда он снимает свои «мокасины». Место перелома явно опухшее. Что там? Инфекция? Ревматизм? Воспаление? Я не врач. Я менеджер, да и то в прошлом. Но я единственный здесь, кто хоть что-то понимает в медицине. Есть еще Старый Зубр, вождь и «отец» племени, но он больше занимается духовной стороной вопроса, а не физической.

Второй месяц нашей зимовки прошел тяжелее. Практически не было мяса. Охота зимой – дело сложное и опасное. Распуганная дичь ушла дальше от зимнего дома в глубь леса или залегла в спячку. Бизоны откочевали далеко на юг, где меньше снега и проще добыть себе пропитание. Есть зайцы и куропатки, но на девятнадцать человек, включая женщин и детей, одного зайца явно мало, а тощая куропатка — это вообще ни о чем. Сейчас нас двадцать. Как пальцев на руках и ногах. Восемь взрослых охотников, включая меня и Гроха, пять женщин, пятеро детей, из которых двое новорожденных, плюс Старый и Сыч. Сыч тоже старик. Пришлось экономить. Порции уменьшились. Бывали дни, когда мы питались не два раза в день, а только один. Дети получали больше — стратегия правильная, потому что дети — это будущее племени, и если они умрут с голоду, у племени не будет завтрашнего дня. Взрослые терпели. Некоторые лучше других, некоторые хуже. Например, Молот ходит с напряжённым лицом человека, который хочет убить кого-то, но пока держится. Иногда я ловлю его взгляд, направленный на меня, и подозреваю, что он думает: я ем больше, чем положено. Или что я вообще не должен есть, потому что не охотился и не заслужил. Он не злится постоянно. Иногда он смотрит на меня так, будто видит впервые, и в такие моменты мне кажется, что он думает обо мне: «Какой ты, чёрт возьми, такой? Откуда взялся? Почему ты здесь? Чего ты хочешь?» Вопросы хорошие. Я бы сам хотел знать ответы. Поначалу нас здорово выручала рыбалка. Я научил племя плести мерёжи из ивовых прутьев, и добывать рыбу стало намного проще, чем в то время, когда приходилось лежать голым пузом на льду, с острогой в руке, вглядываясь в воду. Тут тоже получилось не сразу и не всё. Но когда мы учли ошибки и нашли удобные места, где можно разместить наши ловушки, рыба в нашем рационе стала постоянным продуктом. К сожалению, не на всю зиму. С усилением морозов даже полыньи с самым быстрым течением тоже затянуло льдом, и приходилось каменными топорами прорубать проруби, чтобы опустить мерёжу, а на следующий день заново прорубать, чтобы извлечь её. Сил и времени на это уходило немало. Третий месяц зимовки был самым тяжелым. Точнее, я очень надеюсь, что более тяжелых месяцев у нас больше не будет. Снег валил в течение нескольких суток и покрыл землю толстым сплошным слоем, по пояс, а местами и выше. Всё окончательно скрылось под снегом. Передвигаться без лыж было невозможно. А вот лыжами здесь еще не пользовались. Племя использовало какие-то громоздкие и неуклюжие приспособления вроде снегоступов, но о какой-либо скорости передвижения в них говорить было бесполезно. Сейчас, конечно, поздно, но памятуя о поговорке: «готовь сани летом, а телегу зимой», летом обязательно надо будет озаботиться изготовлением лыж из молодых деревьев. Найти подходящее дерево, срубить, отсечь всё лишнее и высушить. Помнится, деревянные лыжи еще рекомендовалось смолить. То ли для лучшего скольжения, то ли для того, чтобы не гнили. Ну, растопить на огне еловую смолу и просмолить тоже смогу. Дело вроде нехитрое. Но это всё летом. А сейчас, при таком слое выпавшего снега, выходить из пещеры стало мучением. Ветер бил в лицо, ноги проваливались в сугробы, снег набивался в мокасины, попадал под шкуры и холодил и без того с трудом справлявшееся с морозами тело. Дрова таскать приходилось издалека. В пещере

оставался неприкосновенный запас топлива для очага, но он был, в буквальном смысле слова, «неприкосновенным», на случай, когда мы вообще ничего не сможем принести с улицы. На примере дров, кстати, я первый и не последний раз показал племени, как может быть полезна математика и умение считать более чем до трех. Я подсчитал однажды: одна средняя лиственница со стволом толщиной в бедро, высотой метров пять-шесть и без ветвей даёт примерно четырнадцать часов интенсивного горения при условии, что мы поддерживаем один большой очаг днём и два небольших ночью. У нас три очага — центральный, общий, где готовят еду и греются днём, и два небольших, у дальней стены пещеры, под расщелиной, дающих дополнительное тепло ночью. Потом я высчитал среднее количество дров, необходимое на все три костра, и пересчитал количество уже запасенного. Когда я заявил Старому Зубру, что если топить только этими дровами, то запаса хватит всего на три руки пальцев, мне сначала не поверили. Проверить это было возможно только опытным путем, но сжигать весь неприкосновенный запас, чтобы доказать мою неправоту, даже Старый Зубр счел перебором. Тогда было принято соломоново решение. Было решено в течение одной руки (пяти дней) жечь только дрова из запаса, а приносимые в это время дрова складывать отдельно. Для чистоты эксперимента наш запас был поделен на три кучи. Как вы понимаете, спор я в итоге выиграл, и Старый разрешил мне заниматься математикой с детьми дополнительно. Он даже не разрешил, а поступил мудрее: он дал мне такое задание. Потом мною было предложено пересмотреть принцип сжигания дров. Точнее, раньше никакого принципа не было, и когда я пытался объяснить, что именно я имею в виду, меня долго не понимали, но в конце концов махнули на меня рукой, разрешив мне делать, что захочу. Мы условно разделили дрова на три сорта. «Первый сорт» — толстые сухие стволы, дающие жар и долго горящие. Их берегли для самых холодных ночей. «Второй сорт» — средние ветки, обычное ежедневное топливо. «Третий сорт» — тонкий хворост, хлам, который горит быстро и даёт мало жара, но годится для разжигания огня, когда очаг был погашен и его необходимо развести заново. Я зарубил эти категории на большом плоском камне у входа: три разные черты. Потом объяснил всем, что значит каждая. Мата поняла первой — она, оказывается, имеет талант к организационным системам, просто раньше ему негде было проявляться. Она начала сортировать хворост по моим категориям и требовала от детей того же. Примерно неделю Мата приучала всех «костровых» к новой системе расхода, и в конце концов это вроде как вошло в привычку. К сожалению, должен признать, что сколько именно удалось сэкономить, высчитать мне не удалось, потому что все мои «расчеты» вылетели в трубу (а точнее, в щель в потолке пещеры), когда наступили по-настоящему сильные морозы, и дров приходилось сжигать в три – в четыре раза больше, чем я рассчитывал. Но всё равно я был уверен, что, не отсортируй мы древесину, потратили бы еще больше. Это был еще один мой небольшой повод для гордости.

Сейчас заканчивался четвертый месяц нашей зимовки, после уничтожения отряда «высоких». И всё было хорошо, до сегодняшней ночи, когда пропало мясо. Мата всё ещё стоит рядом, ожидая моего ответа. Я смотрю на оставшиеся куски и думаю. Ничего нового сказать ей я не могу. Я это мясо точно не брал, и кто это сделал – я тоже не видел. Хотя, по идее, видеть был должен. Этому могло быть несколько объяснений. Первое: Я задремал крепче, чем мне показалось, и тогда кто-то съел его ночью. Кто-то из нас проснулся, нашёл связку, съел и решил, что никто не заметит пропажи одной связки из трёх. Второе: кто-то спрятал его. Для себя. На чёрный день. Это тоже возможно — люди делают странные вещи, когда голодают достаточно долго. Но проблема в том, что ранее воровства у нас никогда замечено не было. Третье: это ошибка. Мата ошиблась, когда считала вчера. Или я ошибся, когда проверял перед сном. Или связка упала куда-то за камень, за шкуру, в щель в полу, и просто лежит там, ждёт, когда её найдут. Версия, конечно, – дрянь, но чем черт не шутит, пока не будем сбрасывать со счетов и её. Четвёртое: что-то другое. Что-то, о чём я пока не думаю, потому что три первых объяснения покрывают девяносто девять процентов вероятностей.

— Скажешь Старому? — спрашиваю я.

Мата пожимает плечами.

— Скажу. Он скажет: «смотрите внимательнее». Всегда так говорит.

Она забирает два оставшихся куска и идет готовить завтрак для просыпающегося племени.

Одним из первых просыпается Грох. Я слышу, как он возится и сопит под своими шкурами. Вот наконец он вылазит из-под них и, кряхтя, начинает наматывать на ноги свои «мокасины». Выглядит сегодня он еще хуже, чем вчера вечером. Лицо осунувшееся, серое. Видимо, больная нога не позволяет нормально выспаться. Всю ночь он ворочался, пытаясь найти положение, в котором нога меньше болит, находит его на полчаса – час, а потом всё по новой. Боль будит его, и он снова начинает ворочаться.

– Холодно, – бурчит он под нос, присаживаясь рядом со мной к костру.

Это его стандартное утреннее приветствие. Не «доброе утро», не «как спалось», а просто «холодно». Это его «холодно» напоминает мне стандартное американское «как дела», когда тебе задают этот вопрос просто потому, что так принято, а вовсе не потому, что собеседника действительно интересует твоя жизнь. Так и тут. Это просто констатация факта. Холодно. Холодно всегда. Ну ладно, не всегда, а шесть месяцев в году. Почему шесть? Да потому, что остальные шесть очень холодно.

— Осталось немного подождать, — отвечаю я. — Солнце выше. Снег начнёт таять. Скоро.

Грох кивает. Он тоже знает, что зима не вечна. Он тоже замечает, что хоть снега на улице еще полно, но световой день уже ощутимо увеличился, а в ясные дни солнце пригревает так, что над входом в пещеру начинают нависать огромные сосульки. Грох садится рядом, протягивает руки к огню. Греет костлявые пальцы, покрытые шрамами от порезов и ссадин.

— Мясо пропало, — говорю я ему без предисловий. Грох не удивляется. Просто кивает, как будто ожидал.

— Опять?

— Опять? Это случалось раньше?

— Раньше... мало было. Можно... не замечать. Теперь... Дан, считай каждое... Заметил.

Он имеет в виду: раньше, когда еды было много, пропасть одному куску — никто бы и не обратил внимания. Теперь, когда каждый кусочек на учёте, любая потеря — событие. — Нет, Грох, – отвечаю я. – Я не про общие запасы. Я про то, что Мата отложила вчера вечером на завтра. Было три куска, осталось два.

— Кто взял? – Спокойно спрашивает он.

— Я не знаю, – отвечаю я. – поэтому и говорю, что пропало. Я не брал. При мне ночью никто туда не подходил. Я, по крайней мере, не видел.

— Плохо. – Глубокомысленно и философски замечает Грох, продолжая греть руки.

Он имеет в виду: раньше, когда еды было много, пропасть одному куску — никто бы и не обратил внимания. Теперь, когда каждый кусочек на учёте, любая потеря — событие.

— Кто мог взять, Грох? Ты плохо спал ночью? Не видел? Никто не ходил по пещере?

Грох пожимает плечами.

— Не знаю. Кто-то... голодный. Я не видел… Смотреть, кто сытый. Кто не будет есть утром.

Типичный Грох — практичный, конкретный, без эмоций. Тоже мне, пещерный детектив. Я понимаю, что неандертальцы — люди весьма простые и бесхитростные, но не думаю, что воришка будет настолько прост, что спалится вот так, отказавшись от завтрака. Мясо воруют потому, что не хватает. А когда не хватает – не отказываются от положенного.

Следующим проснулся Молот. Он не подходит к очагу. Сразу же идет к выходу, откидывает шкуру, закрывающую проем, и смотрит наружу. Оценивает погоду, решает по одному ему

видимым приметам, есть ли сегодня смысл отправляться на охоту или рыбалку. Убеждается, что за ночь у пещеры не появилось чужих следов. Молот — это наша контрразведка и служба безопасности в одном лице. Интересно, если рассказать ему о пропаже мяса, как будет действовать он? Да ну, нафиг. Еще обвинит меня недолго думая, и доказать, что я ни при чем, я не смогу. Презумпция невиновности тут пока еще не работает. Молот справляет малую нужду, прямо тут, у входа в пещеру, и только потом возвращается внутрь и подходит к очагу. Я пока так и не смог отучить их от этой привычки.

— Следов нет, - говорит он вместо приветствия. – Снег чистый. Только сильный ветер.

Молот садится рядом с Грохом и молча смотрит на огонь. Постепенно просыпаются все остальные. Одним из последних просыпается Старый Зубр. Раньше, когда я только попал в племя, мне казалось, что он, наоборот, никогда не спит, но, став часто дежурить ночным костровым, я понял, что это не так. Долгие зимние месяцы ослабили и его тело тоже. Раньше он действительно просыпался одним из первых, и поэтому я никогда не мог увидеть его спящим, но теперь всё изменилось. Ему много лет. Сколько именно — он не знает, никто не знает. Считают по зимам: «много зим назад я был мальчиком», «ещё больше зим назад умер мой отец». Чисел нет. Есть слово «много», которое ничего не говорит мне. А им, в общем-то, этого достаточно. Какая разница, сколько лет Старому Зубру? Много. Старый кашляет. Глубоко, с хрипом. В груди у него что-то булькает и клокочет. Мата сразу оборачивается — инстинкт заботы. Она приносит ему воду. Старый принимает свой «кубок», медленно пьёт. Смотрит на меня.

— Мясо... пропало? — спрашивает.

Я киваю. Он всегда знает. Даже не спрашивая.

— Плохо. – Повторяет он слова Гроха с практически идентичным спокойствием.

Смотрит на меня внимательно. Не обвиняет, не спрашивает. Но я не удивлюсь, если он что-то знает. Он всегда знает больше, чем говорит.

Примерно так начинается каждое утро в течение последних трех-четырех месяцев нашей жизни. За исключением того факта, что раньше мясо не пропадало. Но всё когда-то случается в первый раз.

И есть еще одна странность, о которой я хотел бы упомянуть. Овальный медальон, снятый мной с шеи убитого воина «Высоких». В первый момент, в пылу схватки я не понял, из чего он сделан, мне показалось, что это отполированная кость какого-то животного. Потом у меня не было возможности его рассмотреть, потому что все члены племени очень боялись даже упоминания о медальоне. Никто не знал, что я забрал его, и говорить об этом не стоило, чтобы не навлечь на себя гнев соплеменников. Тогда, в ущелье мне запретили прикасаться к нему, и снял я его тайком. Снял и спрятал позже, далеко от пещеры, в расщелине, на холме, в получасе ходьбы от Зимнего дома. Так вот, когда я наконец смог рассмотреть амулет внимательнее, я очень крепко задумался. Он был сделан не из кости и не из камня. Это был… пластик.

Глава 2

Через час Мата кормила племя завтраком. Она делала это каждое утро сама, не доверяя никому. Я, правда, не помню ни одного дня, когда бы она пропустила свою обязанность. Она была хранителем еды, поваром и министром пищевой промышленности в одном лице. В племени были еще женщины, и случалось, что они помогали Мате, но это была именно помощь, а не подмена.

Когда я доказал прикладную пользу математики, Мата разрешила мне помочь ей с планированием порций. В том смысле, что порции она распределяла сама, а я говорил ей, сколько можно взять еды из доступных запасов и на какое время хватит оставшегося.

Благодаря этому симбиозу питались мы теперь регулярно, но порции стали чуть меньше. До того, как мы ввели долгосрочное планирование, бывали дни, когда ужин или завтрак на следующий день после удачной охоты мог быть сытным, а через пару дней есть было совсем нечего. Вариант, когда пища есть всегда, пришёлся всем по душе, даже несмотря на уменьшившиеся порции. Вот и сегодня у нас осталось два куска мяса на два десятка человек. Должно было быть три, но увы. Один таинственным образом испарился, и теперь Мата делила оставшееся на миниатюрные порции, которые уже нельзя было назвать даже кусочками. Тонкие пластинки были больше похожи на то, что французская кухня назвала бы карпаччо, если бы карпаччо варили в талой воде в не самой чистой шкуре и подавали без соли, масла и прочих специй, делающих еду едой. Внезапно я вспомнил волшебное слово «майонез», и рот тут же наполнился вязкой слюной. Ну, майонез нам пока недоступен, а вот заготовлением специй летом обязательно надо будет озаботиться. Кой-какие травки я тут видел. Тот же тмин и дикий чеснок. Хотя, почему дикий? Домашнего тут еще пока нет. Значит, просто чеснок.

В первую очередь свои порции получили дети. Это было правило, которое никто не оспаривал: дети — это будущее племени, и если они умрут с голоду, у племени не будет завтрашнего дня. Кстати, тут мой дед ошибался. Он когда-то был уверен, что первыми питались вождь и лучшие охотники. По праву сильного и для того, чтобы иметь возможность продолжать охотиться. Потом женщины, а старики и дети уже по остаточному принципу. Но нет, все было не так.

Вторыми в очереди были старики. Благо их у нас осталось всего двое. Старый Зубр и Сыч получили свои порции — жидкий бульон с плавающими в нём волокнами мяса. Старый съел его медленно, не торопясь, прямо-таки с каким-то аристократическим достоинством. Только что мизинчик не оттопыривал. Несомненно, он переживал и более тяжелые времена, когда даже такое количество мяса было праздником. Он помнил такие времена. Он помнил многое.

Третьими ели женщины. Мата, две её помощницы и молодые матери. Они ели молча, быстро, запивая свои мизерные порции бульоном.

Последними — охотники. Восемь человек, включая меня и Гроха.

Молот получил свой кусок первым из охотников. Он не посмотрел на меня. Просто взял, положил в рот, жевал с таким выражением лица, будто резиновую подметку. Но он получил нормальный размер. Нормальный, как у всех.

А потом подошла моя очередь. Мата протянула мне кусок. Я посмотрел на него. Потом на неё. Потом снова на кусок. Он был меньше. Ненамного, но меньше, чем у остальных охотников. Может, на треть. Может, на четверть. Но — меньше. И Мата знала это, и сделала так нарочно, а не случайно. Я видел это по её глазам.

Я не сказал спасибо, а молча взял, положил в рот и начал жевать.

Вкус был таким же, как у всех, правильнее было сказать — вкус был никаким. Но сейчас этот кусочек мяса имел еще один привкус. Привкус недоверия. Мата не поверила, что я не трогал тот проклятый пропавший кусок.

Я не обиделся. Честно. Наверное, я на её месте подумал бы так же. Слишком многое было сегодня против меня, а вот алиби и свидетелей у меня не было, да и презумпцию невиновности, как я, кажется, уже говорил, пока не изобрели. Ночью у костра дежурил я, мясо пропало ночью. Вывод — мясо взял я. Но я-то знаю, что я его не брал! Кстати, есть еще один любопытный момент. Неандертальцы не врут. Не любят врать. Не умеют. Я не знаю, как это правильно выразить. В общем, в их образе жизни очень редко возникает необходимость скрывать правду или обманывать, и поэтому это просто не заложено в них на генетическом уровне. Общение с другими племенами сведено к минимуму, а говорить воинам своего племени, что верблюды ушли на запад, когда на самом деле они ушли на восток, смысла нет. Да и верблюдов я здесь не встречал. Впрочем, как и Штирлица.

Но что-то я отвлекся. Итак, неандертальцы не врут. Не принято. И исходя из этого, верят друг другу на слово. Но я-то не неандерталец, и поэтому вижу, как чувства Маты разрываются надвое. С одной стороны, я сказал, что не брал — значит, не брал. Но на второй чаше весов тот факт, что мясо пропало, и дежурил я, и значит, взять больше некому. Да еще вдобавок я не неандерталец. Но я говорю, что я не брал. Круг замкнулся. Господа присяжные — выносите решение. Я проглотил остатки своей порции, допил теплый мутный бульон и встал. Ноги затекли, спина ныла, шея не поворачивалась. Пятый месяц зимовки делал свое дело: я чувствовал себя как пенсионер после ночи на раскладушке в неотапливаемом гараже.

Отлично. Просто отлично. Моя репутация сегодня с утра дала хорошую трещину, и чтобы её нейтрализовать, мне придется постараться. Но это потом. А сейчас — спать. Сегодня я, как отдежуривший ночь, имел на это право.

* * *

Проснулся я часа через четыре, когда день уже был в самом разгаре. Народа в пещере было немного. Старый сидел на своем постоянном месте и смотрел на огонь, Мата перебирала остатки трав, две женщины (те, что были молодыми мамашами) скоблили шкуру, да дети увлеченно чертили что-то на песчаном полу пещеры. Мужчины, видимо, были на охоте, а две помощницы Маты собирали хворост или отлучились за снегом, чтобы растопить его на воду.

— Иду наружу, — сказал я в пустоту и пошел к выходу из пещеры.

Никто мне не ответил. Все были заняты своим делом. Я дошёл до выхода, откинул шкуру, закрывающую проём, и вышел. И тут остановился. Сверху капало. Я слышал этот звук еще из пещеры, редкий, но явственный: кап, кап, кап… Но тогда я подумал, что мне показалось. Что это просто талая вода капает с какой-то сосульки внутри, прямо на каменный пол. Такое бывало и раньше. Но нет. Сегодня капало снаружи. На улице впервые за эту зиму была плюсовая температура. Ура! Интересно, уже можно сказать, что мы перезимовали? Это уже весна или еще нет? Я поднял голову и посмотрел вверх. Над входом в пещеру, под навесом из песчаника, висели сосульки. Огромные. Даже не сосульки, а сосули. Сосулищи! Длиной с копье, а некоторые длиннее. Они свисали вниз, как зубы какого-то дракона, и с каждой сосульки периодически падала капля: кап, кап, кап. Ударялась о камень у входа и разлеталась мелкими брызгами. Я протянул руку. Капля упала мне на ладонь. Потом еще одна. И еще. Я замер и смотрел на синее небо. Оно было другим. Не зимним, серым, давящим, как бетонная плита, и вгоняющим в депрессию, а чистым, голубым, как на заставке моего компьютера. Разумеется, не здесь, а там, в прошлой жизни. Небо. И солнце. Это, без всякого сомнения, было уже весеннее небо.

Я сделал еще несколько шагов вперед, на выход из-под козырька пещеры. Снег под моими мокасинами был плотным и тяжелым, мокрым. Не легким и воздушным, как пух, в начале зимы. Не рассыпчатым и скрипучим, жестко колючим, как в середине зимы. Он был плотным, тяжелым и липким. Можно было играть в снежки и лепить снежную бабу. Я закрыл глаза и подставил лицо солнечным лучам. Перезимовали. Слава тебе, Господи! Боже, как же приятно было ощущать на моем заросшем лице ласковые теплые солнечные лучи. Еще не жаркие, летние, но все равно уже теплые. Реально ощутимое тепло. Не от костра, не от тарелки с бульо-

ном, не от куска рыбы, зажаренной на углях. Тепло от солнечных лучей. Так вот какая ты — весна, подумал я. Пришла без объявления, без приглашения и разрешения начальства. Просто пришла и сказала: хорош мёрзнуть, братва. Я тут. Добро пожаловать, весна. Мы тебе рады. Я-то уж точно.

Я стоял так минуту, две, пять, зажмурившись и наслаждаясь солнечными лучами. За спиной послышался звук шагов. Тяжелый, неравномерный. Я милого узнаю по походке. Грох. Странно. Где он был? В пещере, когда я проснулся, его не видел.

— Холодно, — сказал Грох.

Я открыл глаза и повернулся. Грох стоял у входа в пещеру, кутаясь в свою шкуру, с недовольно насупленным лицом. Гроха иногда трудно понять, спрашивает он или утверждает что-либо.

— Нет, Грох. Не холодно. Тепло. Смотри, какое солнце! — я поднял руку и показал вверх.

Грох подошел ближе, поднял голову и прищурился.

— Солнце… Высоко… — сказал он. — Раньше низко. Теперь высоко. Скоро снег уйдет.

И опять я не смог понять, спрашивает он или констатирует факт.

— Скоро уйдет, Грох. Скоро! — ответил я.

Пусть скорее уходит. Охотиться будет легче, жить будет легче. Появится трава, корешки. Рыбалка, я уверен, станет более продуктивной. Я уже наметил кое-какие действия в этом направлении. Только бы быстрее сошел снег.

Грох ничего не ответил. Но он встал рядом со мной, так же поднял лицо и зажмурился, как и я совсем недавно, подставляя его солнечным лучам. Так мы и стояли еще какое-то время вдвоем: я, бывший менеджер из города Печора, и он, неандертальский охотник. Стояли, как два идиота, и грелись под лучами солнца, которое выполняло свою работу уже миллиарды лет, обогревая вращающуюся вокруг него Землю.

— Сегодня... рыба? — спросил Грох.

— Надеюсь, — ответил я. — Я проверю ловушки. Если лёд позволяет.

— Я... пойду... с тобой.

— У тебя нога болит.

— Всегда... болит. — Грох пожал плечами. — Болеть... будет... если пойду. Будет болеть, если нет. Пойду.

Ну что же. Железная логика. Я не стал спорить. Спорить с Грохом было бесполезно: когда он принимал решение, он его выполнял. Это была одна из тех черт характера, которые я ценил в нём больше всего. В моей прошлой жизни я знал много людей, которые говорили одно, думали другое, а делали третье. Грох говорил мало, думал (я подозревал) ещё меньше, но всегда делал ровно то, что говорил. Прямолинейность на грани упрямства.

— Хорошо, — сказал я. — Пойдём вместе. Но ты не будешь прорубать лёд. Это буду делать я.

— Договорились, — согласился Грох.

* * *

Река была в полутора часах ходьбы от Зимнего дома. Летом это расстояние преодолевалось быстрее, сейчас дольше. Помню, когда мы заманивали «высоких» в ловушку, мы дошли до реки менее чем за час. Но сейчас по тяжелому, мокрому снегу в примитивных снегоступах наша скорость передвижения была гораздо ниже.

Грох шел позади меня. Я слышал его тяжелое, с присвистом, дыхание и слышал, как он время от времени останавливался, чтобы передохнуть. За зиму он сильно сдал. Это был уже не тот «энерджайзер», что прошлым летом на одной ноге и самодельном костыле мчался вперед, и тогда я не мог за ним угнаться. Видимо, нога срослась как-то неправильно, и кроме того, что причиняла ему страдания, еще и сильно выматывала. Мне было по-человечески жаль моего первого друга в этом мире, но сегодня он напросился со мной сам, а значит, будет идти. И

если я сейчас начну останавливаться, ждать его, снижать темп, он первым отнесется к этому с непониманием. Так здесь принято. Сильные идут вперед. Я, может, и не полноценно сильный в сравнении с другими охотниками племени — сильных они называют «гор», — но уже и не тот Дыанн «кик» (слабый уж или червяк), что был прошлым летом.

К реке мы вышли глубоко за полдень. Не стоит забывать, что первую половину дня я проспал, отдыхая после ночного дежурства у очага. Хотел было сказать, что вышли мы после обеда, но такого понятия, как обед, здесь не было. Зимой река замерзла практически полностью. Остались лишь небольшие полыньи в тех местах, где течение было слишком сильным и со дна били ключи, не давая льду окончательно сомкнуться. Подходить к таким местам было очень-очень опасно: можно было провалиться, и течение тут же утащило бы тебя под лед. Да и смысла к ним подходить особого не было. Зимой рыба предпочитала держаться более глубоких и спокойных мест, поэтому приходилось прорубать свои полыньи.

Позавчера мы поставили три ловушки вдоль берега, в местах, где глубина была большой, а течение умеренным. Сейчас нам предстояло их проверить. Для того чтобы прорубь с установленной мерёжей не замерзала полностью, мы накрывали её куском старой шкуры и засыпали снегом. Края, конечно, примерзали, но это была ерунда. Первую мережу мы как ни старались, так и не смогли найти. Точнее, мы нашли нашу прорубь, «раскрыли её», но вот верёвки из сыромятной кожи на месте не было. Либо её плохо закрепили, либо умудрились оборвать сейчас, отбивая намерзший по краям шкуры лед, — неизвестно, но её не было. Возможно, она по-прежнему лежала на дне, но проверить это сейчас не представлялось возможным. А вот вторая и третья мережи были на месте. Причём вторая была самой уловистой, и сегодня она была не пуста. Плетение из ивовых прутьев — это мое личное «ноу-хау». Я учился этому целый месяц, и на меня в очередной раз смотрели как на блаженного, но хотя бы не мешали, и на том спасибо. А когда я принес с реки первые трофеи, пойманные с её помощью, — уровень моего авторитета еще немного вырос.

— Жива, — удовлетворенно сказал Грох, доставая ловушку. — Хорошая… Дан, делатель!

— Кто жива? — не понял я.

— Ловушка, — пояснил Грох, бросив на меня недоуменный взгляд. И действительно, чего непонятного.

— Ясно. Только не жива, а цела, Грох, — поправил я его. — «Жива» не говорят об неодушевлённых предметах.

— О чём? — снова не понял Грох, а я подумал, что слишком долго объяснять сейчас, и, махнув рукой, тоже взялся за веревку, помогая ему вытягивать мережу на лёд. Она была тяжелая и явно непустая.

— Есть! — выдохнул я. — Чувствуешь? Она тяжелая!

Мы потянули вдвоем. Когда подтянули корзину к краю проруби, я ухватил её за прутья и вытащил на лед, сразу оттаскивая от края полыньи и опасно трещавшего под нами льда. В мереже явно кто-то был. Рыба. Одна, но большая, килограмма на три, с серебристой чешуей на боках, тёмной, почти черной спиной и ярко-красными плавниками. Она билась в деревянной клетке, ударяя хвостом по прутьям и разбрасывая во все стороны брызги.

— Одна, — сказал Грох. — Хорошая. Большая.

— Подожди, — сказал я. — Смотри.

Я развернул мережу, заглянул глубже. Под первой рыбой, придавленная её телом, лежала вторая. Поменьше, но тоже солидная, килограмма на полтора.

— Два! — голос Гроха повысился. — Два рыба, Дан! Два!

— Не два, а две, чурка ты нерусская, — со смехом сказал я, доставая добычу из корзины.

В третьей мерёже тоже было не пусто. Туда заскочила стайка небольших рыбинок, чем-то похожих на хариуса или речную форель, пять штук, грамм по сто пятьдесят — двести каждая.

В общей сложности мы получили больше шести килограммов рыбы, и это были просто отличные новости, учитывая тот факт, что с мясом у нас было совсем плохо, а без мереж никакой рыбалки бы сейчас не было. Можно было сказать, что мое изобретение буквально спасало нам жизнь. Всему племени. Вот так. И я не преувеличиваю. Для племени, которое питалось одним зайцем на двадцать человек, это было не просто едой. Это действительно было спасением. Это было праздником. Сигналом от вселенной: «Я знаю, что вам плохо, знаю, что вы голодаете. Вот вам немного помощи. И не благодарите». Но я все равно поблагодарил. Привычно дотронулся до серебряного кольца на своем пальце и проговорил мысленно: «Слава тебе, Господи». Дурь, скажете вы? Может быть. Но мне так было проще. И легче. А если это мне помогает, то почему бы и нет?

Мы высыпали рыбу из последней ловушки на лед и опустили ловушку обратно. Я надеялся, что река не вскроется ото льда так быстро, и мы еще успеем пару раз прийти их проверить. А потом, конечно, чтобы не потерять и эти ловушки, их придется на время снять.

Грох смотрел на рыбу, лежащую на льду, и с его лицом происходило что-то невероятное. Что-то, что я видел у него считанные разы за время нашего знакомства. Уголки его губ пошли вверх. Он улыбался.

— Два и много рыба, — сказал он. — Много хорошо, Дан!

— Семь штук, Грох. Не так уж и много, — снова поправил его я.

Он, в отличие от всех детей нашего племени, по-прежнему мог считать только до пяти, и его это устраивало. Все, что больше пяти, для него было много. Шесть — много, и тысяча — много. Вот такая логика. Но в чем-то он прав. С точки зрения математики семь — это, конечно, не много, но для выживания нашего племени это была сегодня отличная цифра, особенно учитывая вес рыбин из первой ловушки.

— Пойдём домой, — сказал я. — Мата будет... — я подбирал слово, — ...рада.

— Рада, — согласился он. — Мата... рада. Все... рады. Дан и Грох... принёс... еду. Хороший...

Я сделал петлю из кожаного ремешка, лежащего во внутреннем кармане моей шкуры, и продел её через жабры всех рыбин, чтобы нести одной связкой. Да, к моей шкуре были пришиты два внутренних кармана, еще одно мое ноу-хау, позволяющее взять с собой что-либо необходимое, но при этом оставляющее свободными руки. Рыба была тяжелой, чтобы нести её одной связкой, но я намеренно взял весь вес на себя, чтобы не перегружать Гроха с его больной ногой. Я закинул связку рыб через плечо себе за спину, и мы пошли обратно. Руки мои мерзли, мокасины с привязанными к ним снегоступами давно промокли, но я улыбался и не обращал на такие мелочи никакого внимания. Я шел, и на моем лице была точно такая же улыбка, какая была совсем недавно на лице Гроха. Много ли надо пещерному человеку для счастья?

Возвращение заняло чуть больше времени, чем путь к реке. Так всегда бывает. Во-первых, накапливается усталость, во-вторых, добавляется вес добычи, а в-третьих, тебе не терпится вернуться домой, и от этого кажется, что времени на дорогу уходит больше. Мы вернулись в зимний дом, когда солнце клонилось к закату. К вечеру похолодало, снова подморозило, и подмокший за день снег на глазах покрывался хрустящей ледяной коркой. Местами она была такой крепкой, что могла выдержать мой вес, не проламываясь, даже без снегоступов. Мой, но не Гроха.

Мата увидела нас первой. Она стояла у очага, ворошила угли и подняла голову, когда мы вошли. Она увидела связку рыбы, которую я уже держал в руке; глаза её расширились.

— Рыба? — недоверчиво спросила она.

— Семь! — гордо объявил я. — Семь рыб, Мата! Готовь ужин!

— Много! — поправил меня Грох. — Много рыба! Хорошо!

Я протянул ей связку, она отложила в сторону палку, которой ворошила угли, взяла рыбу, рассмотрела, понюхала.

— Хорошая, — сказала она. — Хорошая рыба. Жирная. Много... мяса. — После повернулась в ту часть пещеры, где находились остальные, и крикнула: — Еда! Рыба! Грох и Дан принесли! Много!

Пещера ожила. Первыми подбежали дети. Прыгун, Щур и Чир окружили Мату, толкаясь и споря, начали наперебой пересчитывать наш с Грохом улов. У кого-то получалось шесть, у кого-то девять… Но сейчас они все сошлись на том, что это тоже «много». Потом подошел Молот. Он с еще парой охотников вернулся незадолго перед нами. Их охота сегодня была неудачной, и это делало наш улов еще более ценным. Он посмотрел на Мату, потом на рыбу в её руках, потом на меня с Грохом и снова на рыбу.

— Три, — констатировал он. — Много три. — Математика была не самой сильной его стороной.

— Много, — согласился я.

— Хорошо, сделал.

А то! — подумал я. Лиха беда начало. Подождите, братцы-кролики. Вот я еще научу вас силки на зайца ставить, тогда вообще заживем. Надо, правда, сперва будет самому научиться. Кое-какие отрывочные знания у меня были, но теория в отрыве от практики не работает. У меня и с мережей не все сразу получилось. Первая рассыпалась в воде, две следующие были более крепкие, но конструкция была неудачной, и, по-видимому, рыба выходила из них так же легко, как и заходила внутрь. Но в конце концов я доработал форму до той, которая сейчас фактически спасает племя от голода.

Из дальнего угла пещеры вышел Старый. Он опирался на палку, которую начал использовать совсем недавно. Раньше он отказывался от любой поддержки, но зима брала свое.

— Рыба, — сказал он. — Дан и Грох... принесли. Хорошо. Еда... есть. Сегодня... сыты. Завтра... посмотрим.

Это была его типичная речь. Он редко выражал эмоции. Скорее просто констатировал факт. Закреплял событие. Как будто делал запись в какой-то невидимый «бортовой журнал» своей головы. И кстати, он все помнил, ничего не забывал. Память у него была отличная. Я уверен, что если потребуется, он с легкостью скажет, кто ходил на охоту в день после сильного снегопада два месяца назад, кого добыл, во сколько вернулись, чем занимались в этот день остальные члены племени.

Мата занялась готовкой рыбы. Крупную она решила пожарить на вертеле, предварительно выпотрошив, отрезав головы и плавники. Печень и икру, бывшую в самой крупной рыбине, тут же отдала крутившимся рядом детям, которые мгновенно съели её сырой. Вся мелочь отправилась в «котел» вместе с головами и плавниками, отрезанными от больших рыб. Это будет уха. Практически безотходное производство.

Скоро ужин был готов. Получив свою порцию, я уселся у дальней стены, рядом с Грохом, на своей постели из мха и можжевельника, которую смастерил еще в начале зимы. Точнее, сперва это был мох и еловый лапник, но позже я модернизировал свое ложе.

— Хорошо, — сказал Грох. — Сыты.

— Хотя бы сегодня, — согласился я.

Я закрыл глаза и почувствовал, как напряжение, давившее на меня с самого утра, после обнаружения исчезновения мяса, отпускает. «А жизнь-то, похоже, налаживается», — усмехнулся я. Много ли для счастья надо? Теплая комфортабельная пещера, мягкая постель, да хороший кусок жареной рыбы на ужин. Кусок мне Мата, кстати, дала на этот раз не меньший, чем остальным охотникам. Справедливость была восстановлена. Для полного счастья не хватало разве что бокальчика прохладного пива. Шучу. Алкоголь вредит здоровью. На самом деле, единственное, с чем я так и не смог до сих пор здесь свыкнуться, — это отсутствие соли. Такое ощущение, что остальные совершенно не страдали от её отсутствия. И неудивительно. Они же просто пока не знают, что это такое. И тут я в очередной раз задумался. Хорошо, сейчас соли

нет. Точнее, где-то она есть, просто пока не используется человечеством. Ладно, не человечеством, а конкретно этим племенем. Но ведь когда-то она все равно войдет в наш обиход, и не только как вкусовая приправа, но и как прекрасное средство консервации. Так почему бы мне не быть тем, кто сделает этот шаг в развитии? Паровой двигатель изобрести я не могу, но способ длительного хранения мяса и рыбы посредством засаливания — это запросто. Помнится, дед что-то рассказывал про это. Кажется, организму жителей каменного века она была просто не нужна, потому что они получали необходимое количество натрия, употребляя сырое мясо. И необходимость начала появляться только при переходе от жизни охотников-собирателей к оседлой жизни и занятием земледелием, а это еще будет ох как нескоро. Судя по горящей по ночам на небосклоне Веге, тысяч через тридцать лет, не раньше. Могу и не дожить. Значит, нужно будет внести свои изменения и в этот порядок вещей. А что? Получилось же у меня с планированием запаса дров, еды и с плетением ловушек для рыбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.